

Приветствуем возвращение Небожителя У

Пилюля разбитого кокона была готова.

Спокойный доселе звериный котёл внезапно превратился в гигантского зверя из чёрного железа и одним глотком проглотил мечущуюся по комнате пилюлю. Его тело покрылось рунами, которые надёжно скрыли ауру пилюли.

Хотя это длилось всего три вдоха, радужные облака всё равно успели взметнуться к небу.

У Линчань ворвался в боковой зал, едва не угодив в пасть котлу.

— Юный господин Кунькунь! — Вэнь Цзюаньчжи, потративший на приготовление пилюли три дня, был истощён. Он кашлянул четыре раза. — Пилюля готова, открывай котёл и ешь.

— Ты в порядке? — У Линчань, увидев его бледное лицо, нахмурился.

— Ничего страшного, — Вэнь Цзюаньчжи проглотил несколько золотых пилюль, и смертельная усталость тут же отступила, а духовная сила начала возвращаться. — Нельзя медлить, юный господин, прошу.

У Линчань успокоился и уже собирался идти, как Вэнь Цзюаньчжи, подумав, сунул ему в руку нефритовый флакон.

— Что это?

— Пилюля пятой стражи.

Пилюля пятой стражи была настолько знаменита, что о ней знал даже У Линчань. Название этой божественной пилюли было у всех на слуху: Яма забирает человека в третью стражу, но, приняв эту пилюлю, можно дожить до пятой.

Самая известная семья алхимиков в Союзе Бессмертных за несколько лет могла приготовить лишь одну такую пилюлю, и цены ей не было.

— Сколько их там? — У Линчань потряс флаконом, и тот зазвенел.

— Не считал, — с недоумением ответил Вэнь Цзюаньчжи. — Несколько десятков, наверное. Разве не хватит?

У Линчань промолчал.

«Какая щедрость!»

Вэнь Цзюаньчжи уже собирался достать ещё несколько флаконов, но У Линчань, сверкнув глазами, ловко убрал флакон.

— За великую милость не благодарят. Хм, когда восстановлю силы, первым делом пойду и побью этого Чи Цюйцюя, чтобы выпустить пар.

Вэнь Цзюаньчжи промолчал.

«Этого не нужно».

В академии Сычжо Чи Фухань громко чихнул.

— Кто-то о тебе думает, — подшутил его однокашник.

— Я так популярен, разве не естественно, что обо мне думают? — Чи Фухань поднял бровь. — Тсс, осторожнее, это новый артефакт, который я выпросил у отца. Если сломаешь, мне снова влетит.

— Выглядит довольно хрупким, — заметил однокашник, глядя на переливающийся всеми цветами радуги меч в руках Чи Фуханя.

— Это меч Люли, — с гордостью заявил Чи Фухань. — Он закалялся в лучшем духовном огне девятью девять восемьдесят один день. Режет волос на лету, может рассекать горы и моря.

— Легко сломать, — прямо сказал однокашник.

— Этот меч состоит из сотен тончайших, как крылья цикады, пластин глазури. Он великолепен и очень красив. С любого ракурса можно увидеть сияющую глазурь, — продолжал расхваливать Чи Фухань.

— Легко сломать, — повторил однокашник.

— Этот меч стоил целую тысячу кристаллов, — не сдавался Чи Фухань. — Прежний владелец ждал его три месяца, но я перехватил его, заплатив вдвое больше. На Великом собрании в Пэнлае он произведёт фурор.

— Лег...

— Я тебя сейчас ударю! — взорвался Чи Фухань, хватая его за воротник. — Ну и что, что легко сломать? Я же не собираюсь им останавливать метеориты или убивать заклинателей на стадии постижения пустоты. Это не защитный артефакт, зачем ему быть таким прочным?!

— Цюйцуй, смотри, что это? — невозмутимо указал однокашник.

— Не меняй тему!

Бум!

С небес ударил гром.

Чи Фухань резко поднял голову и увидел, как надвигаются чёрные тучи, направляясь к Террасе Бихань.

«Стадия постижения пустоты?»

«Великий старейшина вышел из уединения?»

Схватка заклинателей на стадии постижения пустоты была подобна столкновению неба и земли.

Но на Террасе Бихань царила тишина и спокойствие.

В заднем зале, неизвестно когда, появился источник для сбора духовной силы, наполненный молочно-белой жидкостью. Вокруг него были начертаны руны. У Линчань, сняв верхнюю одежду, остался в одной тонкой белой рубашке и с любопытством рассматривал алую пиллюлю разбитого кокона.

— Ты уверен? — нахмурился Сюаньсян.

У Линчань усмехнулся и, сняв с левого запястья чернильный камень, отбросил его в сторону. Затем он хлопнул по глазурной лисе, которую неизвестно когда прихватил с собой.

Артефакт, способный блокировать любые заклинания в мире, превратился в огненно-красную татуировку лисёнка на шее У Линчаня.

— Что ты делаешь? — Сюаньсян, внезапно вылетев из чернильного камня, изменился в лице.

У Линчань снял с волос золотые украшения и бросил их на пол. Его тёмные, как полярная ночь, волосы рассыпались по плечам, скрывая стройную фигуру.

— Если я не выдержу, — сказал он так, словно болтал о пустяках, — не забудь разорвать наш именной договор, пока я не испустил дух, и найди себе хозяина получше. Хотя в мире нет никого, кто доставлял бы тебе меньше хлопот, чем я, так что в будущем тебе, возможно, придётся потрудиться.

— Что за бред ты несёшь... — яростно начал Сюаньсян.

У Линчань, не дав ему договорить, щёлкнул пальцами, и Сюаньсян, против своей воли, превратился в каплю туши и упал обратно в чернильный камень, успев лишь крикнуть:

— Линчань!

Не успел он сказать больше, как его дух внезапно отключился, и он превратился в обычный камень для туши.

— Давай рискнём ещё раз, — тихо прошептал У Линчань, выдохнув.

Он не был настолько самонадеян, чтобы верить, будто одна лишь так называемая «небесная удача» обеспечит ему гладкий путь и позволит без всякого риска сформировать золотое ядро. Если бы Небожитель У был настолько самонадеян, что верил лишь в судьбу, он бы уже давно погиб.

Ему тоже было страшно.

Длинные, как нефрит, пальцы У Линчаня сжимали пилюлю разбитого кокона. Её алый цвет, казалось, был сгустком крови и внушал безотчётный страх.

Жизнь или смерть — всё зависело от неё.

Ни с того ни с сего У Линчань обернулся и посмотрел на дверь.

Там никого не было.

Вокруг царила пугающая тишина, словно в мире остался лишь он один.

И он мог рассчитывать только на себя.

У Линчань больше не колебался и решительно проглотил пилюлю.

Он собирался принять её и войти в источник, но действие пилюли, приготовленной из десятков редчайших духовных трав в течение трёх дней, было слишком сильным. Едва она коснулась его

желудка, как в теле вспыхнул пожар.

Плюх.

В глазах У Линчаня потемнело, и, не успев опомниться, он рухнул в воду.

Источник для сбора духовной силы нахлынул со всех сторон. Боль, словно мириады рук, схватила его за руки, ноги, талию и мёртвой хваткой прижала ко дну.

Алые глаза У Линчаня расширились, он закашлялся, и кровавые слёзы окрасили молочно-белую жидкость, расплываясь в ней переплетающимися красными струйками.

На мгновение сознание У Линчаня отключилось.

Пилуля разбитого кокона действовала так, словно бесчисленные мечи и сабли кромсали его меридианы. Боль стала почти неощутимой. Сквозь толщу воды до него доносились какие-то голоса.

— Кунькунь!

У Линчань резко открыл глаза.

Перед ним проносился длинный коридор.

По обеим сторонам росли багряные клёны, шёл сильный снег. У Кунькуня несли на руках, и он медленно двигался вперёд. Объятия были тёплыми, как печь, и защищали его от холода.

У Кунькуня слипались глаза, он зевал и дремал на плече того, кто его нёс.

Неподалёку раздался тихий звон золотого колокольчика, и кто-то заговорил.

— ...Ты можешь ждать, а звериный прилив из Ванлэин ждать будет?! Если барьер не укрепить, во всём Куньфу не останется ни одной живой души!

— К тому же, Кунькунь чистой крови, он и есть ключ-рыба. Ванлэин непременно попытается использовать его, чтобы открыть барьер. Вместо того чтобы оставлять эту угрозу, лучше использовать его душу, чтобы запечатать барьер и запереть звериный прилив. Стоит лишь применить «Запечатывание», и «ключ-рыба» будет уничтожена, а Куньфу обретёт тысячи лет покоя от набегов из Ванлэин.

— В барьере Ванлэин появилась трещина, и духи предков дали ему имя «Кунь». Возможно, это

воля небес, просто придётся пожертвовать ребёнком...

— Замолчите все! Я этого не позволю!

— А у тебя есть другой способ?!

У Кунькунь не понимал, о чём спорят эти голоса. Он лишь чувствовал, как рука, обнимавшая его, медленно сжимается, а дыхание у самого уха становится прерывистым.

— А-сюн? — растерянно позвал он.

Внезапно раздался крик:

— Кто там?!

Не успел У Кунькунь опомниться, как тот, кто его нёс, поспешно развернулся и ушёл.

Под чистый звон колокольчика картина сменилась, и он снова оказался во дворце Даньцзю.

Тот, кто его нёс, положил У Кунькуня на лежанку. Он стоял против света, и его лица не было видно, лишь руки были сжаты в кулаки так, что из них капала кровь.

У Кунькуню не нравился запах крови, и он протянул руки, прося обнять его.

— А-сюн.

Чэнь Шэ смотрел на него сверху вниз и вдруг тихо спросил:

— Отец и мать бросили тебя мне. Все эти годы они не приближались к тебе, боясь привязаться и не суметь пожертвовать?

— При-привязаться? — не понял У Кунькунь.

Чэнь Шэ, казалось, усмехнулся над собой и, развернувшись, ушёл.

У Кунькунь никогда не видел, чтобы А-сюн уходил так решительно. Ему стало страшно, и, забыв о сне, он поспешно спрыгнул с лежанки.

— А-сюн, А-сюн, А-сюн! А-сюн, куда ты, Кунькунь больше не, не хочет спать, я буду с тобой...

Чэнь Шэ был высоким, и его шаги были быстрыми.

У Линчань, как ни старался, не мог догнать его и, споткнувшись, с глухим стуком упал на пол.

Шаги затихли.

У Линчань долго сидел в оцепенении, а затем, оперевшись на руки, сел на холодный пол и, тупо уставившись на ссадину на ладони, надул губы и подул на неё.

Ху.

Внезапно нос У Кунькуня защипало, и, неизвестно, от боли или от чего-то ещё, крупные слёзы, как капли дождя, застучали по полу.

Он заплакал беззвучно.

Словно зная, что его некому пожалеть, У Кунькунь плакал молча, дрожа всем телом.

Что он сделал не так? Почему все его бросили?

В этот момент к нему протянулись руки и, подхватив его под рёбра, осторожно прижали к себе. Знакомый запах окутал его со всех сторон, защищая от ветра и снега.

У Линчань поднял голову.

Над источником для сбора духовной силы клубился пар, а молочно-белая жидкость была окрашена в красный цвет.

Чэнь Шэ, промокший до нитки, держал его на коленях, и мощный поток духовной силы хлынул в лоб У Линчаня, усмиряя яростное действие пилюли.

В голове У Линчаня было пусто. Воспоминания о том, что произошло после принятия пилюли, внезапно нахлынули на него.

Боль, словно его тело дробили на куски, золотое ядро, которое бесчисленное количество раз собиралось и снова рассыпалось, перевёрнутый мир, белый цвет, заливавший глаза и превращавшийся в алый от его отчаянных попыток вырваться.

Тонкая белая рубашка У Линчаня пропиталась кровью, и он, едва дыша, свернулся калачиком на руках Чэнь Шэ.

Его алые глаза были расфокусированы, а из пересохшего горла не вырывалось ни звука. Лишь бледные губы едва шевелились.

Он звал А-сюна.

Чэнь Шэ отвёл его мокрые волосы за ухо и взмахнул рукой. Вся кровь в источнике мгновенно испарилась, и со дна забили новые струи чистой жидкости.

Глаза У Линчаня были затуманены. Неизвестно, кому он шептал — А-сюну из детства, который вернулся, или Чэнь Шэ из настоящего.

— Ты вернулся.

— Не бойся, я здесь, — тихо ответил Чэнь Шэ.

В ушах У Линчаня звенело, и он не расслышал слов, но то пустое чувство одиночества, когда его бросили, исчезло. Он устало закрыл глаза и потёрся о грудь Чэнь Шэ.

— Опusti меня.

Благодаря духовной силе Чэнь Шэ, У Линчань получил короткую передышку. Он снова погрузился в источник, и духовная сила и действие пилюли столкнулись внутри и снаружи его тела. Над источником даже вспыхнуло слабое пламя.

Боль, которая поначалу была настолько сильной, что хотелось умереть, сменилась волнами приступов, которые всё так же изматывали.

Сознание под пыткой боли начало рассыпаться. В море сознания У Линчаня появились призрачные тени, которые, как неотвязные духи, кружили вокруг него.

«Твой брат — новый владыка Куньфу, и вас связывают узы ослабления сердца. Он никогда тебя не убьёт. Используй его силу, чтобы легко стереть Мэн Пина в порошок».

«Одно слово — и всё. Неважно, как, главное, чтобы Мэн Пин умер. Кто его убьёт — неважно. Зачем ты идёшь на такой рискованный и мучительный путь? Живи легко, и всё».

«Сдайся, ты не выдержишь».

У Линчань оставался невозмутим.

Под истерические вопли призраков боль снова нахлынула волной, пытаясь сокрушить его

дерзкий вызов небесам.

Тело У Линчаня содрогнулось, и над источником снова поднялся кровавый туман.

Это была последняя сила пилюли разбитого кокона.

Если он не сможет восстановить золотое ядро, то без его поддержки его разорванные меридианы не выдержат, и его ждёт лишь одна участь — полное уничтожение души.

У Линчань, не ведая страха, заставил осколки своего золотого ядра снова собраться. Сотни фрагментов, вращаясь, под действием огромной духовной силы устремились к центру.

Осколки плотно сошлись, образуя целое золотое ядро. Мириады трещин под давлением духовной силы засветились тонкими золотыми нитями.

Последний раз.

С небес ударил гром, пытаясь утратить его.

Но У Линчань был быстрее.

Духовная сила из источника хлынула в его даньтянь, словно заполняя трещины в золотом ядре.

Наконец, золотое ядро с трудом собралось воедино.

Чэнь Шэ, почувствовав, что золотое ядро сформировалось, уже собирался вытащить его.

Но внезапно со дна источника вырвался яростный поток духовной силы, и его лицо резко изменилось.

Мокрая рука высунулась из воды. У Линчань с трудом уцепился за край источника. На тыльной стороне его нефритовой руки вздулись вены, словно огромная боль вот-вот разорвёт его на части.

У Линчань оттолкнул руку Чэнь Шэ, который хотел его обнять, и, тяжело дыша, опёрся о край. Духовная сила, накопленная за годы совершенствования, не могла приспособиться к этому демоническому телу и готовилась разрушить неподходящие духовные меридианы.

Демоническая аура тела и духовная сила золотого ядра столкнулись.

— Кунькунь...

— Ни-ничего.

Лицо У Линчаня было мокрым то ли от пота, то ли от слёз боли. Он был бледен как бумага, но на его лице появилась самодовольная улыбка. Он смотрел на шар духовной силы, полностью восстановившегося золотого ядра, в своей ладони и усмехнулся.

— Пилюля разбитого кокона не смогла меня уничтожить, а ты сможешь?

Если раньше золотое ядро не могло собрать духовную силу, то теперь духовные меридианы пропускали её, как решето. Сколько ни собирай, всё утекало.

У Линчань был оптимистом и, не обращая внимания на то, что латает дыры за счёт чего-то другого, преодолевая боль, попытался встать.

Но он переоценил свои силы. Не успев выпрямиться, он пошатнулся и рухнул.

Чэнь Шэ, среагировав молниеносно, подхватил его.

— Ничего, — У Линчань был бледен, но, увидев серьёзное лицо Чэнь Шэ, всё ещё глупо улыбался. — Наверное, так и будет течь какое-то время. Жалко, столько духовной силы пропадает, можно было бы цветы полить.

Но Чэнь Шэ не улыбнулся в ответ. Его лицо было необычайно холодным. Он прижал палец ко лбу У Линчаня.

Он, казалось, хотел что-то сделать, но татуировка лисёнка на шее У Линчаня внезапно появилась и оттолкнула его.

Чэнь Шэ на мгновение замер.

Артефакт, который он подарил У Линчаню, чтобы тот мог защитить себя от любых заклинаний в мире...

У Линчань впервые использовал его, чтобы разорвать узы ослабления сердца.

Даже если бы У Линчань не выдержал и его душа рассеялась, татуировка лисёнка на его шее надёжно бы заблокировала узы, не дав Чэнь Шэ, чья жизнь была связана с ним, пострадать.

Рука Чэнь Шэ, обнимавшая У Линчаня за плечи, резко сжалась, и, несмотря на все усилия

сдержаться, он не смог скрыть вспышку ярости.

У Линчань задрожал. Ему стало холодно, и он инстинктивно прижался к Чэнь Шэ.

У него почти не было сил, и, сказав несколько слов, он едва не потерял сознание.

Теперь, когда золотое ядро было восстановлено, у него было больше двух месяцев, чтобы стабилизировать его и вернуться на вершину. Тогда, на Великом собрании в Пэнлае, он непременно отомстит.

Небожитель У триумфально вернётся. Одним движением он вызовет ветер и дождь, превратит бобы в воинов. Все гении на Великом собрании в Пэнлае в ужасе падут на колени, восклицая: «Приветствуем возвращение Небожителя У, мы не можем с вами сравниться, не нужно и состязаться, победа ваша». Мэн Пин же от страха перед его силой и зависти к его таланту умрёт на месте от стыда.

Хе-хе-хе!

— Кунькунь?

— М? — У Линчань очнулся от своих мыслей и поднял на него голову.

Тёплые пальцы Чэнь Шэ нежно коснулись маленького лисёнка на шее У Линчаня.

— Убери, — тихо сказал он.

У Линчань, которому больше не угрожала опасность, послушно кивнул. Татуировка со звоном превратилась в глазурную лису, которая забегала вокруг них.

Чэнь Шэ отвёл её в сторону. Его ресницы дрогнули, и нежная, как вода, духовная сила хлынула через узы ослабления сердца.

— А-сюн? — удивился У Линчань.

— Слушайся, не двигайся, — Чэнь Шэ коснулся его лба. — Узы ослабления сердца помогут тебе стабилизировать золотое ядро.

У Линчань нахмурился и оттолкнул его руку.

Чэнь Шэ подумал, что тот не хочет, чтобы кто-то вторгнулся в его море сознания или золотое ядро, и уже собирался объяснить, как У Линчань спросил:

— А А-сюну из-за меня тоже будет больно?

Пальцы Чэнь Шэ дрогнули. Он замер.

Хотя У Линчань, пролежав так долго в источнике, был холоден как лёд, Чэнь Шэ показалось, что он обнимает лучик утреннего солнца, пробившийся из тьмы.

Такой слабый, такой тёплый.

— Нет, — наконец улыбнулся Чэнь Шэ.

Только тогда У Линчань расслабился.

— А, ну тогда ладно.

Чэнь Шэ был молчаливее обычного. Впервые в жизни он использовал эти ненавистные ему узы ослабления сердца, и духовная сила заклинателя на стадии постижения пустоты мощным потоком хлынула в золотое ядро, море сознания и духовные меридианы У Линчаня.

Острая боль в меридианах У Линчаня тут же утихла.

Золотое ядро, которое до этого непрерывно источало чистую духовную силу, пытаясь уничтожить это демоническое тело, при вторжении духовной силы Чэнь Шэ мгновенно успокоилось.

Всё тело У Линчаня, казалось, было пропитано этой чистой духовной силой Чэнь Шэ. Сознание, привыкшее к боли, внезапно расслабилось, и его охватила сонливость. Веки сами собой опустились.

***

У Линчань проспал целых полмесяца.

Духовная сила, которую Чэнь Шэ передавал через узы ослабления сердца, дюйм за дюймом успокаивала его меридианы. Духовная сила заклинателя на стадии постижения пустоты, словно нить, проникала вглубь золотого ядра через трещины.

Духовная сила золотого ядра медленно превращалась в демоническую ауру, которую могло выдержать его тело.

Вэнь Цзюаньчжи знал, что пилюля разбитого кокона восстановила золотое ядро У Линчаня, но,

услышав, что тот так и не очнулся, он, обеспокоенный, несколько раз приходил его навестить.

— Ты слишком беспокоишься. Он выдержал пилюлю разбитого кокона, к тому же Владыка Чэнь рядом, что с ним может случиться? — сказал Чи Фухань, идя рядом. — Когда он восстановит силы, я непременно испытаю его настоящую мощь.

— Лицом испытываешь? — Вэнь Цзюаньчжи нахмурился и с любопытством посмотрел на него.

Чи Фухань промолчал.

— В прошлый раз я проиграл ему, потому что был неосторожен и недооценил его, — в ярости сказал Чи Фухань. — К тому же, Сыфан Улу был подавлен Сюаньсян Тайшоу, дело не в том, что я слабее. Его развитие остановилось на год, где ему тягаться со мной, опытным бойцом? Один мой удар — и он будет повержен!

— Хм, выглядит довольно хрупким, — оценил Вэнь Цзюаньчжи, глядя на меч у него на поясе.

Чи Фухань в ярости схватился за меч и, легонько щёлкнув по нему, попытался продемонстрировать его устрашающую остроту.

— Ты знаешь, насколько этот меч...

Не успел он договорить, как из дворца Даньцзюю впереди вырвался поток духовной силы, смешанной с силой золотого ядра, и, словно рябь, разошёлся во все стороны.

Дзынь.

В тот миг, когда палец Чи Фуханя коснулся меча Люли, острый, красивый и дорогой меч на мгновение замер.

И внезапно сломался.

Дзынь-дзынь.

Сломанный меч упал на землю и разлетелся на несколько частей.

Блестящие осколки беспорядочно рассыпались по земле, отражая мириады искажённых и разбитых лиц Чи Фуханя и Вэнь Цзюаньчжи.

Вэнь Цзюаньчжи промолчал.

Чи Фухань промолчал.

Вокруг воцарилась мёртвая тишина. Они смотрели друг на друга.

— ...насколько хрупкий? — наконец тихо закончил за него Вэнь Цзюаньчжи.

— Ха-ха-ха, я убью У Кунькуня! — громко рассмеялся Чи Фухань.

— Успокойся, успокойся! — Вэнь Цзюаньчжи схватил его. — Меч Люли хрупкий, если уж и винить кого-то, то Владыку Чэня и его духовную силу на стадии постижения пустоты. Юный господин невиновен! Совершенно невиновен!

— Вздор! — взревел Чи Фухань. — Эта духовная сила явно принадлежала У Кунькуню. Он сломал мой меч, ты свидетель, он должен мне заплатить.

— Ты, глава списка, будешь мелочиться, из-за таких пустяков? — удивился Вэнь Цзюаньчжи. — Юному господину понравилось, ну и пусть сломался.

Чи Цюйцюй промолчал.

— Что за дурман он тебе подсыпал?! — злобно усмехнулся Чи Фухань. — Сначала я лишился Сыфан Улу, потом Гуаньпинлу, а теперь из-за него и меч Люли сломался, а ты ещё и за него заступаешься? Ты на чьей стороне?

Вэнь Цзюаньчжи на мгновение замер, его глаза дрогнули.

Чи Фухань с облегчением подумал, что, хотя они и вечно ссорились, их дружба с детства была крепкой, и какой-то там У Кунькунь не мог...

Не успел он додумать, как Вэнь Цзюаньчжи сказал:

— Конечно, на стороне юного господина, о чём ты думаешь? Мы же с тобой заклятые враги.

Чи Фухань промолчал.

Даже не заикается.

Проклятье.

— Хотя бы будь свидетелем, пусть он мне заплатит немного кристаллов! — нетерпеливо сказал

Чи Фухань. — Немного, тысячи хватит.

— Ну, ладно, — на удивление, не отказался Вэнь Цзюаньчжи.

Чи Фухань был тронут.

И тут Вэнь Цзюаньчжи добавил:

— ...пятьсот мне.

Чи Фухань промолчал.

— Ах ты, грабитель! — снова взорвался Чи Фухань.

В этот момент из Кленового леса Даньфэн вылетела алая тень, и вслед за ней с ужасающей силой обрушился клинок, окутанный чернильным следом.

Дзынь!

Чи Фухань среагировал молниеносно и, выхватив печать-подавитель, накрыл их обоих золотым куполом, отразив удар.

Клинок и золотые руны столкнулись, и порыв ветра закружил опавшие кленовые листья.

Чи Фухань поднял голову и на мгновение замер.

Дзынь-дон.

Кто-то легко и грациозно приземлился на каменную колонну с драконом у входа во дворец Даньцзю. В воздухе закружились багряные кленовые листья.

Алая тень была высокой и стройной. Тёмные волосы развевались на ветру, а золотые украшения, которых стало ещё больше, чем раньше, сверкали так, словно на нём было надето всё самое красивое.

Длинный чернильный след, словно лента феи, обвивал его запястье.

У Линчань с длинным мечом за спиной, с яркими, как пламя, глазами, источал неукротимую волю, которая вместе с аурой золотого ядра распространялась вокруг, ослепляя своей красотой.

Небожитель У, ловко взмахнув мечом, направил его острие на Чи Фуханя и надменно провозгласил:

— Кто здесь шумит?

<http://bllate.org/book/16997/1586387>